

ДЕТЕНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ БИПОЛЯРНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ПРЕДБОРСКИЙ ВАЛЕНТИН АНТОНОВИЧ,

*кандидат экономических наук, доцент,
начальник отдела ГНИИ МВД,
Украина*

КУНЦЕВИЧ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ,

*старший преподаватель,
Академия МВД,
Республика Беларусь*

В статье рассматриваются базовые атрибуты экономической структуры стран крестьянской цивилизации. Исследуется роль госсектора в экономике зависимых стран. Анализируется экономика Японии как страны, имеющей позитивный опыт детенизационной политики.

Ключевые слова: *биполярная экономика; детенизация; кооперация; неформальная экономика.*

The basic attributes of the economic structure of peasant civilization are considered in the article. The role of the public sector in the economy of dependent countries is investigated. The Japanese economy as the country with a positive experience policy to struggle with the informal sector is analyzed.

Keywords: *bipolar economy. policy to struggle with the informal sector, cooperation, non-formal economy.*

Коды классификатора JEL: *E26, O17, Q13.*

Рыночная трансформация постсоветских государств сопровождается ростом многочисленных угроз экономической безопасности, среди которых одно из главных мест принадлежит феномену теневой экономики. Несмотря на большие потери со стороны общества и усилия государств относительно ее ограничения, теневая экономика продолжает властвовать на значительной части постсоветского экономического пространства. Более того, процессы тенизации захватили не только экономические, но и другие обще-

ственные отношения, превратив их в систему теневого механизма функционирования общества, а само общество — в теневое параобщество. В связи с этим реформирование в любой сфере жизни и деятельности (политической, социальной, экономической, организационной, правовой) в современном обществе связано прежде всего с преодолением или хотя бы ограничением теневых явлений.

После десятилетий ускоренного развития теневых процессов и провала несистемных усилий государств относительно их ограничения и преодоления становится понятным, что угроза тенизации тесно связана с проблемой эффективности государственного управления, его девиации в сторону от фундаментальных закономерностей прогрессивной трансформации экономической структуры постсоветского общества, наличия в определенных его прослойках особых возможностей относительно развития механизмов теневого торможения и архаизации, маргинализации всей социально-экономической структуры (*Предборский 2005*).

Сама структура теневых процессов является разветвленной, дифференцированной, в ней прежде всего наибольшую угрозу представляют секторы, которые в свою очередь являются активными генераторами вторичных теневых процессов. Становится очевидным, что причина развития теневых процессов в политической и экономической сферах связана не только с коммунистическим прошлым. Более того, «реальный социализм» — лишь один из этапов целого ряда исторически воспроизводимых несоответствий между тем, чего политики хотели от социума, и тем, в чем данный социум реально нуждался в данный исторический момент.

Проблемы, которые связаны с выбором трансформационной модели развития постсоветских стран¹, корреспондируют с явлением глобального экономического кризиса, который переживает современный мир и которое также связано с трудным переходом не только к другой доминирующей цивилизационной модели экономического развития, но и к другим ее носителям — формированию другого авангарда зоны доминирования. Постиндустриальная модель, которой присущи такие атрибуты, как непрерывное изменение технологических революций, элитное технократичное управление, мощная властная структура — истеблишмент и широкая система лоббизма, вступила в завершающий этап развития: гаснут ее движущие силы, имеет место простое самовоспроизведение модели в пределах уже отработанных механизмов, ускоряются темпы использования интеллектуальных, производственных, природных ресурсов (*Кочетов 1992*).

Ориентация на Запад (модернизация) и цивилизованность длительное время рассматривались как неразрывные, даже тождественные процессы. Многие из зависимых стран по мере освобождения от колониальной или неоколониальной зависимости развивались в пределах этой монистической

¹ См.: Словник іншомовних слів. Головна редакція УРЕ. К. 1977. 443, 676.

модели. После Второй мировой войны она потеряла абсолютное значение. Однако данная модель по-прежнему оказывает огромное влияние на все страны, особенно в условиях глобализации на новые независимые страны СНГ. На смену монистическому пути развития пришла доктрина множества типов цивилизаций. Необходимость обращения к особенностям цивилизационного развития и механизмам трансформации вызвана расширением круга проблем, которые рождены научно-технической революцией, создание адекватных ей форм организации производительных сил общества, которые надо искать среди генетических корней общества.

При всех изменениях в траектории развития масштабных хозяйственных процессов в современных условиях, как и раньше, действует мощная тенденция к конвергенции экономических систем, связанная с однообразием технико-технологической составляющей прогресса, которая составляет материальную базу современной цивилизации любого типа. Материальная база формирует во всех странах относительно тождественный стиль жизни, являющийся производным от технологического способа производства. Возможно, на одном из последующих циклов экономического развития единая материальная база создаст новые предпосылки для усиления конвергенции цивилизационных форм развития разных стран. Но в ближайшее время, очевидно, будет усиливаться обратная тенденция — к дивергенции систем, которые принадлежат к разным типам цивилизационного развития.

Дивергенция обусловлена культурными особенностями социально-экономических систем. Характерно, что до Второй мировой войны те же самые факторы оказывали содействие монистической модели развития различных стран: в то время западный цивилизационный фактор способствовал усилению внешнего однообразия систем из разных типов цивилизационного развития. Однако в последние десятилетия они стали определять развитие обратной тенденции — многовариантности культуры, возвышение национальных особенностей социально-экономических систем, обеспечивающих плюрализм современных цивилизаций.

Таким образом, в современных условиях параллельно действуют тенденции к конвергенции и дивергенции при доминирующей роли последней. Очевидно, что интеграция этих двух тенденций в современных конкретно-исторических условиях, с одной стороны, создаст эффект усиления значения реализации особенностей социально-экономического развития в институциональной структуре общества и за счет этого ее большей транспарентности, органической связи с ее неформальной организацией, эксполлярными (маргинальными) структурами (*Шанин 1990*), с другой — усиления конфликтности во взаимодействии систем разного цивилизационного направления и нового усиления в связи с этим процессов архаизации и развития теневой экономики.

Базовые основы доктрины марксизма, как и преимущественно западной научной мысли вообще, связаны с выводом о необходимости отказа от ге-

нетической (особой) составной модели развития отдельных стран. Поэтому теория и практика «строительства реального социализма» уничтожала все институты саморазвития в обществе — частную собственность, самостоятельность производителя и, в связи с этим, переводила их в теневые факторы развития (*Бажал 1993, 3*).

Системный анализ допущенных ошибок в определении модели значительно уже современных трансформационных процессов, обострении противостояния в системе управления и в звене государство — предприятие свидетельствует о том, что наиболее уязвимой стороной трансформационной модели, которой мы придерживались, было то, что на вооружение взят по сути старый советский методологический подход, фактически сводившийся к крайне ограниченной в интеллектуальном плане логике одностороннего экономизма, точнее — рыночного фундаментализма. Соответственно этой логике мы все время допускали методологическую ошибку — отождествляли понятия «системная трансформация общества» и «рыночная трансформация». Получив независимость, страны постсоветского пространства стали на путь глубокой системной трансформации, которая по сути и содержанию не должна сводиться к сугубо рыночной трансформации. В этом контексте становится понятным, что наиболее уязвимой стороной трансформационной модели, которой мы придерживались, является ее антиисторизм, игнорирование именно этой органической связи «прошлое — современное — будущее» (*Гальчинський 2001, 27–30*). В связи с этим изучение закономерностей структурной организации этих стран и их модернизация является ключом к поиску эффективных форм процесса трансформации.

Процесс модернизации экономики зависимых стран связан с проблемой асинхронного расширенного воспроизводства элементов, образующих экономическую систему этих стран, в связи с образованием в ней структурных разрывов (пустот) на месте, где должны существовать соответствующие структуры, необходимые для обеспечения ее сбалансированного развития (*Онищук и Белоусенко 1999, 93–100*).

В отличие от развитых стран, где структурные разрывы имеют внутрисекторный характер, а в экономической структуре присутствуют все необходимые для синхронного развития элементы, в зависимых странах, к которым принадлежат в частности страны крестьянской, общинной цивилизации (страны СНГ, в частности), отсутствует ряд блоков экономической структуры, необходимых для нормального сбалансированного развития. Это обусловлено характером развития зависимой экономики, способом модернизации этих стран, которая должна выполнять функцию «подтягивания» к изменению циклических периодов развития технологического способа производства в странах, передовых для данного исторического этапа.

Для преодоления высокого компенсационного барьера на основе модернизации осуществляется внедрение новейшей промышленной техники и

технологии извне в экономику зависимых стран, которое расщепляет производство (по собственной траектории цикла). При этом возникает технологический разрыв, сущность которого заключается в том, что прерывается процесс постепенного развития автохтонной технологической структуры, а в саму эту структуру встраиваются созданные вне нее технологические блоки. Процесс воспроизводства в зависимых странах теряет характерную для развитых стран на всех ее этапах движения непрерывность и становится возможным лишь в условиях обмена части их продукта на средства производства из развитых стран.

Таким образом, одним из базовых атрибутов экономической структуры стран крестьянской цивилизации является отсутствие в ней ряда блоков, необходимых для синхронного развития, а отсюда потребность в периодической, навязанной извне модернизации. Критическая масса хозяйственных блоков, необходимых для синхронного развития, определяется наличием такой ситуации, когда все элементы экономической структуры функционируют и поддерживают процесс расширенного воспроизводства, не имея нужды для этого в ресурсах, которые поступают в систему централизованно вне эквивалентного перераспределения. Такую критическую массу хозяйственных блоков С.В. Онищук и М.В. Белоусенко называют целостной индустриальной структурой (ЦИС) (*Онищук и Белоусенко 1999, 95*). Особенно большое значение в условиях ЦИС имеет инфраструктура экономики. Если по объемам производства валового внутреннего продукта на душу населения зависимые страны отстают от развитых в десятки раз, то относительно уровня инфраструктурной плотности — в сотни и тысячи.

Если в передовых странах при наличии ЦИС структурные разрывы возникают только внутри экономических блоков, то в зависимых странах они имеют межблоковый характер, приводящий к глубокой деформации всего воспроизводственного механизма, резкому снижению эффективности функционирования соседних элементов. Состояние экономической структуры, при которой отсутствие любого блока, необходимого для развития, приводит к невозможности функционирования без перманентного централизованного внестоимостного перераспределения в их пользу общественных ресурсов, которые изымаются из других секторов, носит название структурного разлома. Последний является качественно новым явлением, имеющим существенные значения для развития теневых процессов.

Ключевая роль госсектора в экономике зависимых стран определяется отсутствием целостной индустриальной структуры, в пределах которой возможно функционирование экономической системы на базе частной собственности и западной модели рыночного развития. Отсутствие ряда необходимых для синхронного развития хозяйственных блоков и наличие потребности в их срочном формировании превращает процесс мобилизации накопленных ресурсов государством (как своих, так и привлеченных) и на-

правление их на расширенное воспроизводство в виде инвестиций, прямых государственных дотаций или косвенных субсидий в решающий фактор экономического развития.

В связи с этим эффективность действий государства, степень экономической безопасности ее управления приобретает принципиальное значение. Наличие глубокого кризиса государственного управления, его тенизации и криминализации кумулятивно усиливает противоречия структурного разлома, развивающиеся в условиях деградации общественных учреждений под влиянием разрушительного внедрения прозападных моделей организации государственной власти в условиях модернизации.

Крестьянские цивилизации, в том числе экономики стран СНГ, в связи с наличием процессов межсекторного разлома принимают резко биполярную структуру — особую форму смешанной экономики, построенной на сосуществовании двух полюсов, в одном из которых функционирует относительно небольшое количество больших, высококонцентрированных, централизованных предприятий, во втором — огромное количество малых, потенциально неформальной, маргинальной экономики, эксполлярных форм, что формируют огромное пространство для теневой деятельности. В то же время неформальная экономика, в узком понимании слова — домашняя экономика, проникая в пространство больших хозяйственных форм (на основе трансляции), превращает последние в филиалы теневой экономики — неформальную экономику в широком понимании.

Избрание того или иного варианта экономической политики относительно неформального сектора в условиях трансформации оказывает самое существенное влияние на ее характер, в частности, в отношении уровня поражения теневыми процессами. При анализе фундаментальных закономерностей организации экономической системы следует сосредоточиться на типологически общих объектах — странах, имеющих позитивный опыт детенизационной политики. К ним следует отнести прежде всего Японию, для которой, как для страны крестьянской цивилизации, характерна значительная социальная прослойка мелкого предпринимательства. Частные предприятия семейного типа господствуют не только в розничной торговле, общественном питании и других областях сферы услуг, а и в обрабатывающей промышленности, строительстве. Например, в обрабатывающей промышленности 74% наемных работников занято на предприятиях, имеющих до 300 рабочих мест. В сельском хозяйстве мелкие хозяйственные формы еще в большей мере являются контрастными для полюса больших форм. Они практически не используют наемный труд. В Японии насчитывается 2 млн 600 тыс. крестьянских хозяйств, преимущественно мелких. Средний размер земельных участков здесь 1,9 га (правда, больше половины обрабатываемой земли — орошаемые земли, дающие урожай дважды в год). Однако только 17% крестьянских хозяйств заняты исключительно сельским

хозяйством. Остальные, используя приближенность к городам и развитую транспортную сеть, диверсифицировали свою деятельность и получают значительную часть дохода в других областях.

Сектор больших корпораций Японии — это 2,4 тыс. акционерных компаний, акции которых оборачиваются на вторичном фондовом рынке. Тем временем общая численность акционерных компаний составляет около 800 тыс. Средние и мелкие предприятия работают без широкой дисперсии собственности и управления как закрытые акционерные компании и общества (*Мировая экономика 2001*, 494–495).

Биполярная экономика с большим объемом эксплоярных форм является значительно более эффективной, особенно в условиях кризиса, выживания. Общества, где развита смешанная, эксплоярная экономика, по мнению Т. Шанина, оказываются более сильными и устойчивыми, чем те, где использование эксплоярных форм ограничено. Так, если сравнивать японскую экономику с американской, то первая является, так сказать, более эксплоярной, она развивается более ускоренными темпами (*Шанин 1990*, 12–17).

Однако большой опасностью для социально-экономической системы зависимых стран является теневой потенциал неформальной экономики. Как исторически фундаментальная структура, осуществляющая процесс своей трансляции — метаморфозы проникновения в нынешних условиях в современные структуры, она тенизирует их, распространяя теневые формы, методы и идеологию, превращает в новейшие многообразные виды — неформальную экономику больших хозяйственных форм (неформальную экономику в широком понимании).

Для детенизации неформальной экономики существует фундаментальный фактор — придание ей адекватных, соборных форм развития. При этом обретение детенизационного потенциала неформальной экономикой нуждается, как правило, в активных, обеспечивающих действиях со стороны государства — установлении особой, соборной связи между секторами больших и малых форм, использовании адекватных форм поддержки и солидарности со стороны большого бизнеса и государства, функционирующих для установления этой связи. В советской России задачам предоставления адекватных соборных форм связи между секторами больших и малых форм (в основном между промышленностью и сельским хозяйством) и развитием самого неформального сектора (кооперации) в значительной степени отвечала стратегия «новой экономической политики».

В Японии каждая из больших корпораций является ядром группы, которая называется «кейрецу». Для самой «кейрецу» связывающими элементами являются отношения собственности и контракта. Закон запрещает банкам удерживать более чем 5% акций, которые выпущены нефинансовыми компаниями. Поэтому «кейрецу» не являются финансово-промышленными группами под эгидой банков, и последние даже не входят в их состав.

Главная компания «кейрецу» объединяет собственную производственную деятельность с финансовым управлением группой (т.е. выполняет функцию холдинга) и производственной кооперацией ее участников. Особенностью Японии является как широкое распространение этих групп с объединением массы мелких предприятий (в стране насчитывается 3,7 млн индивидуальных и семейных предприятий и 770 тыс. партнерств), так и более тесные, солидарные, чем в других развитых западных странах, взаимосвязи большого и мелкого бизнеса. Так, в 2,4 тыс. больших корпораций, которые зарегистрированы на Токийской бирже, есть периферия из 31,5 тыс. дочерних и ассоциированных компаний.

Среди «кейрецу» есть примеры как вертикальной интеграции, построенной на технологической основе, так и конгломератов. Периферия связей таких больших корпораций, как машиностроительные «Мицубиси дзюкоге», «Комацу», электротехнические «Хитати», «Тошиба», «Сони», «Мацусита денки», автомобильные «Тойота» и «Нисан», насчитывает по 300–400 больших компаний. Эта периферия выполняет роль более или менее постоянных поставщиков и исполнителей заказов и дополняется большой сетью так называемых субподрядчиков, которые не связаны с главной компанией отношениями собственности. Группы, как правило, имеют развитую периферию за границей и являются транснациональными корпорациями (*Мировая экономика 2001, 495–496*).

Одной из форм вертикальных связей корпораций с сетью небольших предприятий — неформальной экономикой является маркетинговая сеть связей крупных торговых фирм, известных под названием «Сого сьося». Поскольку большие общеторговые фирмы контролируют значительную часть экспорта и импорта (около 50%), то способны влиять практически на каждую часть экономической жизни. «Сого сьося» входят в круг наибольших предприятий мира. Такие фирмы, как «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», контролируют огромную рыночную сеть распределительной системы от больших складов до новых торговых центров как внутри страны, так и за ее пределами.

Для торговой фирмы ключевым аспектом является информационный: широта и качество торговых контактов; знания о конкретных изделиях, рынках, функциях и услугах; средства коммуникации — от собрания, телефонных переговоров к Интернету. Мощная информационная база торговых фирм сложилась эволюционно под влиянием их связей с групповой структурой большого бизнеса, а также под влиянием их рыночно-товарных стратегий. Вначале торговые фирмы, сосредоточивая свое главное внимание на товарах массового спроса, минералах, сырье и других стандартизированных товарах, устанавливали близкие связи с компаниями-производителями важнейших групп (дзайбацу). Торговые фирмы для этих компаний в значительной мере выполняли функцию носителя необходимой рыночной информации.

Для понимания настоящих масштабов связи торговых фирм (домов) с большим количеством мелких производителей существенное значение приобретают три главные особенности.

Первая: необходимо признать, что вся экономика в совокупности внутренней торговли, импорта и экспорта действует на основе модели торговой фирмы. Это означает, что корпоративные стратегии отдельных мелких производителей определяются наличием связей с торговыми фирмами, которые имеют в своем распоряжении основные кредитные рычаги, ссуды, обеспечение платежными средствами, а также надежные выходы на рынок.

Другая фундаментальная особенность проявляется в стилях управления и ценообразования, имеющих особое развитие в секторе торговых домов и формирующих соответствующие подходы в отношении фирм-сателлитов. Действуя как стержень торговой системы, торговые фирмы обеспечивают функционирование равновесного ценообразования для всех сегментов производственной и торговой системы.

Третьей особенностью этих связей является наличие координирующих функций торговли со стратегиями финансирования и производства, которые выполняют торговые фирмы в больших промышленных группах. Такая же координация оказалась значительно более конкурентоспособной, чем в транснациональных корпорациях США. Это является результатом широты номенклатуры и масштабов деятельности торговых фирм, способных через своих агентов соединять товары с множеством рынков (*Черевко, Горбонос и Савицька 1994, 276–289*).

Другим звеном связей мелких предприятий, потенциальных элементов неформальной экономики является система горизонтальных кооперативных связей. В Японии насчитывается около 5 млн крестьянских хозяйств, все они охвачены кооперативным движением, что является мощным детенизирующим фактором. Такое положение сложилось вследствие принятия Закона о сельскохозяйственных кооперативах (1947 год), согласно которому все крестьяне автоматически становились членами кооперации, а через нее государственные структуры обеспечивали функционирование соборного общества, его экономики.

Особенности сельскохозяйственной кооперации в японской экономике связаны с организационно-управленческой структурой, функциями ее кооперативов как элементов соборного общества. Организационно кооперация в аграрной сфере представляет собой многоуровневую вертикальную интеграцию на 3-х уровнях: первый — уровень города, села, второй — 47 префектур, третий — национальный. На последнем уровне действуют префектурные союзы кооперативов, в состав которых входят несколько подсистем (экономическая федерация, федерации взаимного страхования и кредитования), предназначенные для обеспечения выполнения определенных функций, специализирующиеся на вопросах управления, координации

исследований, образования, информационного обеспечения. Всего в Японии в 47 федерациях префектурного уровня действуют 49 экономических подразделений, 47 кредитных, 87 отделений животноводства и т.д.

Каждая федерация префектуры имеет свое представительство на национальном уровне кооперативной структуры.

Центральный союз осуществляет разработку и реализацию внутренней стратегии и тактики национального кооперативного движения, принимает участие в разработке общей аграрной политики государства, осуществляет представительство в международных организациях. Он насчитывает около 8 млн членов многоцелевых кооперативов, в том числе 5,6 млн постоянных членов и 2,4 млн ассоциативных. В состав одного общества в среднем входит 1,9 тыс. членов, из них 1,2 тыс. — постоянных.

Особенностью кооперативного движения в Японии является наличие развитых управленческих функций многоцелевых кооперативов, включающих руководство сельским хозяйством и социальной сферой. Процесс руководства в развернутом виде предусматривает планирование регионального развития, контроль за качеством продукции, разработку систем ведения хозяйства, организацию работы крестьянских предприятий в определенных секторах аграрной сферы. С этой целью кооперативы пользуются услугами 18 тыс. сельскохозяйственных советников. Управление социальным развитием связано главным образом с питанием, здравоохранением, культурой и отдыхом. Консультационную поддержку осуществляют около 2,5 тыс. советников по социальным проблемам.

Таким образом, неформальная экономика Японии имеет развитую систему детенизационных горизонтальных и вертикальных связей с государственными и негосударственными органами, которая обеспечивает функционирование соборной биполярной структуры. Ее теневой потенциал в связи с наличием тесных, эффективных связей, которые формируют высокий уровень информационного обеспечения экономической безопасности в целом, значительно ослаблен и ограничен.

Как известно, в начале XX ст. в наиболее развитых странах мира под влиянием успехов в развитии сельскохозяйственных технологий преимущество получил взгляд на сельское хозяйство как на одну из очередных сфер, которая будет перестроена на индустриальных началах. Агробизнес (сельские промышленники и крупные фермеры) повсеместно осуществлял давление на мелкие семейные крестьянские хозяйства, затем на малых и средних фермеров, а правительственные круги считали, что в наметившейся тенденции преобразования аграрного сектора на сплошь индустриальный действуют однозначные перспективы. Перелом состоялся в 60-е гг. XX ст.: сначала мир всколыхнули мощные крестьянские революции в Азии и Африке, затем повсеместно провалилась надежда на быструю индустриализацию аграрной экономики «третьего мира» — как в социалистическом, так и капиталисти-

ческом варианте, стабилизировалась полуиндустриальная структура аграрной сферы в развитых странах Запада. По утверждению Т. Шанина, идеи школы Чаянова помогли ему и западной теоретической мысли наработать новый метод анализа крестьянства, поэтому надо понимать, что речь идет о равновесии между агробизнесом и мелким крестьянским хозяйством на Западе, которое уже сложилось, но мир крестьянских экономик находится в поиске нового равновесия. Он не может не иметь численного преимущества в пользу распространения «малого» сектора. Именно в пластах неформальной экономики и скрыты те силы выживания, которые в трудные времена уже не раз позволяли стране подняться (*Сабов*).

Современные волны сначала сплошной фермеризации, а потом олигархизации сельского хозяйства постсоветских стран не в состоянии создать в этой сфере эффективную структуру земледелия. Новая поляризация аграрной сферы, находящаяся в перманентно тяжелом кризисе, приведет к еще более значительным отрицательным последствиям, дальнейшему выталкиванию наиболее энергичных, активных работников за границы легальной позитивной социально-экономической деятельности, ускоренного разрушения остатков крестьянской экономики и ее тотальной тенизации.

Свободное обращение земли обязательно даст преимущество крупному (олигархическому) производителю. Усилится поляризация сельского общества, большей части крестьянского населения необходима будет социальная помощь, которая лишь в незначительной мере может затормозить социальный взрыв. Однако при этом будет разрушена и вторая часть сельской экономики — семейная экономика, механизм которой весьма отличается от механизма наемного труда и нуждается в особой аналитической методике для понимания ее стимулов. Всеобщая архаизация социально-экономической сферы значительно усилится, резко возрастут теневые процессы в неформальном секторе. Опыт детенизации неформальной экономики, как и общие закономерности ее развития в наиболее развитых странах крестьянской цивилизации, имеют огромное значение для решения подобных задач в этом секторе постсоветских государств. Это проявляется в следующих главных направлениях:

- экономическая система для получения адекватной своему генетическому коду структуры должна приобрести биполярную форму, что означает сосредоточение на одном полюсе современных больших предприятий, которые определяют научно-технический уровень производства, на другом, опираясь на огромный неформальный сектор крестьянской цивилизации, — большое количество мелких хозяйственных форм, интегрированных в солидарные кооперативные структуры;
- формирование соборной — солидарной детенизационной структуры требует формирования функциональных связей больших предприя-

тий неаграрной сферы, предположительно торговых фирм с широкой базой мелких сельскохозяйственных предприятий-сателлитов;
— государство должно приложить чрезвычайные усилия для помощи аграрному сектору, прежде всего для отладки всего комплекса связей и механизмов биполярной инфраструктуры, создания развернутой сети ее горизонтальных и вертикальных связей, финансового, инвестиционного, технического и кадрового обеспечения кооперативного движения. Альтернатива этому — обвальная характеристика распространения теневых процессов, их экспансия в другие «большие» современные секторы экономики, общая деградация и архаизация аграрной сферы.

Выполнение этих задач нуждается в формировании в системе экономической безопасности эффективной деятельности институциональных структур для реформирования и внедрения новейших систем и форм государственного управления, их мониторингового обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

Бажал Ю. (1993). Еволюційна парадигма економіки перехідного періоду // *Економіка України*. № 8.

Гальчинський А. (2001). Суперечності реформ: у контексті цивілізаційного процесу. К.: Українські пропілеї.

Кочетов Э.Г. (1992). Некоторые соображения о переходе российской экономики к постиндустриальной модели // *Финансовые и деловые новости*. № 3.

Макмиллан Ч. (1988). Японская промышленная система / Под общ. ред. О. Виханского. М.: Прогресс.

Мировая экономика. / Под ред. А.С. Булатова. М.: Юристъ. 2001.

Онищук С.В. и Белоусенко М.В. (1999). Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. 2-е изд. Донецк: РИА Дон ГТУ.

Предборський В.А. (2005). Детінізація економіки у контексті трансформаційних процесів. К.: Кондор.

Сабов А. Великий кризис маленьких людей. (http://ruralworlds.musses.ru/newtexts/shanin_rg_051202.html).

Словник іншомовних слів. Головна редакція УРЕ. К. 1977.

Черевко Г., Горбонос Ф. и Савицька О. (1994). Фермерська кооперація у розвинутих країнах // *Економіка України*. № 11.

Шанин Т. (1990). Иное всегда дано... // *Знание-сила*. № 9.